

10.01.18

ПРОГНОЗ "МЕЖДУНАРОДНЫЕ УГРОЗЫ 2018"

Ежегодный прогноз консалтингового агентства "Евразийские Стратегии"

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Доктрина уменьшения несправедливости

1. Новый язык для старых друзей
2. Лобби как инструмент сдерживания Америки
3. Сеанс одновременной игры с ЕС
4. Как заполнить вакуум Центральной Евразии
5. Военная сила России: монетизируй это
6. Борьба техноэкономических платформ
7. Как избежать войны в Корее
8. Борьба за инициативу на Украине

9. Стабильный Ближний Восток: нефть, зерно и диктатура

Введение

Россия входит в новый год на волне побед. Успехом завершилась военная операция в Сирии, Россия значительно усилила свое влияние на Ближнем Востоке. Есть перспективы урегулирования кризиса, что станет прецедентом: воссоздание государственных институтов в стране, разрушенной гражданской войной и интервенцией. Российская экономика возобновила рост в новых структурных условиях. Санкционное давление не только не подрывает Россию изнутри, но даже не привело к снижению активности и эффективности российской внешней политики.

Россия показала себя блестяще в тех сферах, где она исторически сильна – силовая политика, военная стратегия, дипломатия. Однако мир ускоренно усложняется. Для работы в этой все более сложной среде нужны новые компетенции. Пропущенные Россией удары этого года – проблемы ракетно-космической программы, низкие темпы экономического роста, паралич американской администрации на российском направлении, отсутствие позитивных подвижек в отношениях с ЕС и его ключевыми странами – говорят о необходимости новых навыков и акцентов.

Доктрина уменьшения несправедливости

Три ключевые тренда современного мира – формирование полицентричности, кризис идеологии и ожидаемая смена технологического уклада. Все три несут возможности, но одновременно являются вызовами. Россия стремится к многополярности – но что если она обернется смутой? Глобальный кризис идеологий и ценностных позиций касается не только либерализма, но и различных изводов консерватизма, построенных на антизападнической основе: и то, и другое теряет убедительность. Смена технологического уклада может в одночасье сделать слабые стороны страны

сильными и наоборот. По историческим меркам эти перемены внезапны и одновременно затрагивают всех. В результате в мире продолжает доминировать неопределенность.

В отсутствие опытного, уверенного, рационального лидерства многополярность – это хаос. Владение инициативой и готовность разделить ответственность за результат становятся главным дефицитом в мировой политике. **России необходима решительная внешняя политика**; растерянность или самодовольство для нее гарантируют провал. Россия не стремится и не может быть сверхдержавой вроде современных США или более не существующего СССР. Ее международное влияние основывается на принципиально иных механизмах. Однако не может она и «испариться с радаров», отказавшись от собственной исторической судьбы как одного из глобальных игроков. В эпоху без лидеров Россия должна дать пример лидерства и ответственности. Но для этого надо понимать мир, а не бояться его; видеть возможности, а не огораживаться. Непрерывный трехсотлетний стратегический опыт войн и переговоров должен помочь России в новой среде.

На постсоветском пространстве Россия и Запад вошли в клинч; ни одна из сторон в обозримом будущем не сможет обрести здесь свободу маневра и добиться решительного перевеса. Хотя в ряде постсоветских и восточноевропейских столиц, как и в некоторых политических кругах в Москве, этому спору придают экзистенциальное значение, в масштабах евразийского континента он маргинален. Как показала операция в Сирии, он не слишком связывает России руки на других внешнеполитических направлениях. Более того, тезис о западной политике сдерживания России уже не объясняет всей сложности картины – в том числе отношений Москвы со многими странами Запада. Поэтому постоянная российская фиксация на угрозе с Запада – пережиток прошлого. **Пришло время отойти от западоцентричности в восприятии мира.** Мировые процессы усложняются и дезорганизируются. Пока глобализм сдает позиции, происходит ресуверенизация мировой политики – что отчетливо видно из новых подходов лидера глобализации, Соединенных Штатов, к вопросам мировой торговли и международной безопасности. Вероятно, мы присутствуем при рождении новой модификации неоднократно похороненного в последние четверть века Вестфальского порядка. В этой среде нужно глобальное, на 360 градусов видение процессов и проблем.

Неожиданно актуальным стал вопрос о ценностях. С конца 1990-х Россия уклонялась от дискуссии о ценностях, предлагая в качестве замены им платформу прагматизма. Прагматизм стал естественной реакцией элит и общества на навязчивую идеологизацию периода позднего СССР и плачевные результаты экспериментов с либеральной идеологией в начале 1990-х годов. Акцент на прагматизме также выражает осторожность: увлечение глобальной миссией толкает к ложным стратегическим приоритетам, не подкрепленным ресурсами. Но как объяснить очевидный общественный подъем «русской весны»? Как объяснить сжатые кулаки по Одессе и Мариуполю в мае 2014 года? Сколько новых одесс может вынести Россия без внутривнутриполитического кризиса? Прагматизм не объясняет этого и не дает ориентиров для действий.

Поэтому нужно найти слова чтобы привести в соответствие принципы политики с самоощущением народа. Решительная внешняя политика нуждается в метафоре, которая верно опишет положение дел. Без такого сквозного, единого образа наша

внешняя политика останется сборником региональных стратегий. Что объединяет разные амплуа России – как заступника и мстителя, творца и искателя правды? Сильным русского человека делает чувство правды, слабым – ощущение внутренней неправоты. Мы полагаем, что нашей ключевой ценностью на этом историческом этапе станет справедливость. При этом прагматизм займет свое естественное место инструмента и условия успешной внешней политики, перестав занимать в нашей картине мира место ценностей.

Важно отдавать себе отчет в том, что бескомпромиссное требование справедливости немедленно и для всех не может быть основой разумной внешней политики. Речь не о том, чтобы построить рай на земле – христианин и консерватор знает, что это невозможно – речь о том, чтобы не допустить на земле ада. **Миссия российской внешней политики должна состоять в уменьшении несправедливости**, в содействии установлению такого международного порядка, который предполагал бы меньшее неравенство, уравнивание условий для развития, большую стабильность и безопасность, основанную на многостороннем диалоге и учете интересов всех вовлеченных сторон. Нетрудно заметить, что Россия уже отстаивает эти позиции в своей внешней политике. Дело только за тем, чтобы назвать своим именем ту ключевую ценность, которая стоит за этим курсом.

Переход от прагматизма к уменьшению несправедливости как ключевому принципу позволит лучше объяснить внешнюю политику России ее партнерам и привлечь новых друзей. Так, становление полицентричности может быть объяснено как **возвращение к естественным балансам**, разумно учитывающим вес и важнейшие интересы каждой страны в мировых делах. Язык справедливости неформален и не дидактичен. Не отказываясь от приоритета международного права, **язык российской дипломатии должен обрести “новую искренность”** – способность прямо говорить о своих интересах и опасениях на основе эмоций, здравого смысла и эмпатии.

Сильная сторона российской внешней политики – ее укорененность в длительной стратегической традиции. Однако реальность последних лет меняет наши концептуальные представления о мире, с которыми мы свыклись и которые принимали как догму. Приходит время задуматься и переоценить наши аксиомы и наши стратегии. Описывать новый мир в старых терминах бессмысленно. Более того – это опасно. Россия быстро движется в потоке международных событий – но **и у самого искусного водителя существует слепая зона в зеркалах**, откуда может возникнуть внезапная угроза. В потоке событий важно не быть пассивным наблюдателем, не упустить инициативу и правильно понимать существо перемен.

Наш прогноз на 2018-й год построен вокруг трех ключевых вызовов для российской внешней политики – правильного понимания перемен, использования новых возможностей для роста и удержания мира от войны. В каждом из девяти сюжетов нашего прогноза мы выдвигаем предположение о том, что составляет существо перемен («что происходит»), какой будет траектория дальнейшего развития («что дальше») и что в связи с этим делать России («что делать»). **Мир не впервые разнороден, но эта разнородность впервые важна**. Попробуем рассмотреть ее подробнее и тем самым снизить неопределенность будущего.

ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ

1. Новый язык для старых друзей

Что происходит. Термин «постсоветское пространство» все менее адекватен для обозначения совокупности стран, возникших на территории бывшего СССР. Сам термин описывал процесс появления новых политических единиц, объединенных советским прошлым и сохраняющих преференциальные связи с Россией. Однако траектории развития бывших советских республик все сильнее расходятся, а прошлое перестает быть ключом к понимаю будущего.

Некоторые страны-соседи России погружаются в новые региональные внешнеполитические контексты. Среди этих контекстов – диалог Москвы и Пекина по поводу безопасности Монголии и стран Центральной Азии, трехсторонний формат взаимодействия Москвы с Азербайджаном и Ираном, параллельные курсы тюркских стран региона – Турции, Азербайджана и Казахстана, поиск Белоруссией и Арменией конструктивных отношений с ЕС. Три страны, подписавшие соглашения об ассоциации с Европейским Союзом, – Грузия, Молдавия, Украина – стали заложниками противоречий между Россией и Западом, и пожинают плоды этого неблагоприятного положения в виде стагнации и деградации государственных и политических институтов.

Разнородность и сложность этих процессов будет приводить к нарастанию ошибок во взаимном восприятии между Россией и ее ближайшими союзниками. Постсоветские интеллектуалы склонны смотреть на Россию сквозь призму распада СССР – как на исторического неудачника. Политические элиты региона оценивают нынешний внешнеполитический подъем России либо как временный эпизод, не отменяющий путь к закату, либо как эвентуальную угрозу. Сейчас это ограничивает их способность извлечь выгоду из возрастающей силы России и толкает к анахроничному стилю ведения диалога с Москвой как одновременно «угрожающей» и «слабой».

В большой мере такой взгляд сформирован тоном российской публичной дискуссии – неумением действующих лиц излучать уверенность и спокойствие, рассказать об успехах с достоинством, а проблемах – без экзальтации. Декларируя приоритетность отношений с ближайшими соседями, Россия на практике сосредотачивает большую часть своих усилий на других направлениях. Ее привычка мыслить о постсоветском пространстве пронизана образом западной угрозы. Хотя перспектива экспансии Запада в пространство бывшего СССР сохраняется, она в значительной мере купирована. Созрели условия для постепенного укрепления российского влияния в ближнем зарубежье, однако жесткая ориентация на «оборонительную» внешнюю политику мешает их заметить и использовать.

Что дальше. Сочетание взаимных ошибок восприятия может подрвать российские усилия по гармонизации отношений с соседями и замедлить продвижение евразийской интеграции. Отметим, что в Армении растет масштаб (хотя не содержательное качество) пропаганды, направленной против членства страны в ЕАЭС и ОДКБ. Казахстану предстоит транзит власти, причем на фоне инициированной руководством страны политики сокращения русского культурного влияния. Зависимость Белоруссии от ценовой конъюнктуры на нефтепродукты ведет к тому, что любая подвижка в этой сфере чревата внешнеполитическим кризисом. Государства постсоветской Центральной Азии сталкиваются с острейшими внутренними вызовами, в некоторых случаях касающимися перспектив сохранения их государственных институтов.

Что делать. Российская политика ближайших лет по отношению к ключевым союзникам представляет собой, прежде всего, интеллектуальный вызов. Вопрос состоит в том, сможет ли Москва повысить качество стратегического планирования на этом направлении, отойдя от призмы восприятия непонятных и спонтанных процессов как результата влияния Запада. **Своими подозрениями в предательстве Россия сильнее отталкивает друзей, чем Запад их привлекает.** В результате из отношений с союзниками уходит взаимопонимание и доверие.

Задача России здесь – в наименьшей степени имеет отношение к «жесткой силе»: необходима кропотливая работа с миром идей. Фактическое, а не формальное утверждение стран Евразии как ключевого внешнеполитического приоритета означает качественно иное внимание к процессам внутри стран-соседей. Это включает в себя понимание их исторического, политического и социального

разнообразия, механизмов принятия политических решений и характера внешнеполитической дискуссии. Укрепление интеллектуального влияния России будет предполагать «перезагрузку» фундаментальных нарративов по поводу совместной истории и общего будущего, как и способов их трансляции. Рамку публичного обсуждения внешнеполитических вопросов нельзя делегировать продюсерам ток-шоу. Требуется конструирование насыщенного положительными эмоциями, неантагонистичного и правдивого образа Новой Евразии, соединяющего достижения прошлого с общими целями в будущем через военно-политическое сотрудничество, экономическую и технологическую кооперацию, на платформе общих ценностей и русского языка как средства общения.

2. Лобби как инструмент сдерживания Америки

Что происходит. Соединенные Штаты входят в новый этап своего развития утратив внутреннее единство и долгосрочное видение. Сомнения в реальности американской мечты привели к депрессии в обществе, растерянности элит и хаосу в отношениях с остальным миром. В новом году Америка будет поглощена собой как никогда прежде и свои спорадические внешнеполитические действия будет обосновывать внутренней борьбой.

Американская конституционная система сдержек и противовесов столкнулась с необходимостью глубоких реформ. Система с сильными штатами и слабым федеральным центром идеальна для страны, находящейся в изоляции от остального мира. Однако в ситуации кризиса президент лишен права принимать необходимые решения от имени страны, а Конгресс не способен их принимать из-за вялотекущих процедур и межпартийной обструкции. Но именно Конгресс фактически становится ключевым центром принятия решений. Сейчас его работа заострена на борьбу с неудобным президентом Д. Трампом, а после вероятной победы демократов на промежуточных выборах в Конгресс в ноябре 2018 года велика вероятность запуска процедуры импичмента.

Что дальше. Так или иначе Россия останется без договороспособного партнера в лице США. Желанная многими «Большая сделка» не состоится. Более того, ввиду усиления глобальной конкуренции, Америка будет строить для себя экономический, технологический и политический бастион из наиболее близких к себе морских держав – Британии, Австралии и Канады. Глобальный либеральный порядок получит географические очертания и, вероятно, новое название – американоцентричный порядок на Тихом Океане. Одновременно США будут стремиться ослабить и раздробить остальной мир, и прежде всего – Большую Евразию. Эта стратегия не зависит от того, консервативная или либеральная администрация будет в Белом доме, есть или нет консенсус между элитами. Разница будет только в том, насколько последовательно и какими методами этот курс будет воплощаться в жизнь.

Что делать. Путь фронтального противостояния с США хорошо известен и любим в России. Однако он затратен и высоко рискован. Кроме того, объединение Евразии произойдет быстрее вокруг тезисов общего развития, а не антагонизма с США. Мы предлагаем другой путь. Известно, что самая лучшая война – разбить замыслы противника. Хотя Россия не может изменить основы американской стратегии, она может дезорганизовать ее реализацию.

Американский законодательный процесс построен на состязании различных групп элит, в результате которого, как считается, рождается понимание национальных интересов. Эта система по сути приглашает все заинтересованные стороны – включая иностранные государства – открыто обозначить свой интерес и принять участие в этом торге, в том числе по вопросам внешней политики. Хотя работа лобби-групп с конгрессменами не считается вмешательством во внутренние дела США, Россия уклонялась от создания своего лобби, не желая сама оказаться объектом подобных усилий. Традиционный российский акцент – на официальных двусторонних контактах

с коллегами в США.

Контракты на лоббирование интересов иностранных государств в Конгрессе США в 2017 году

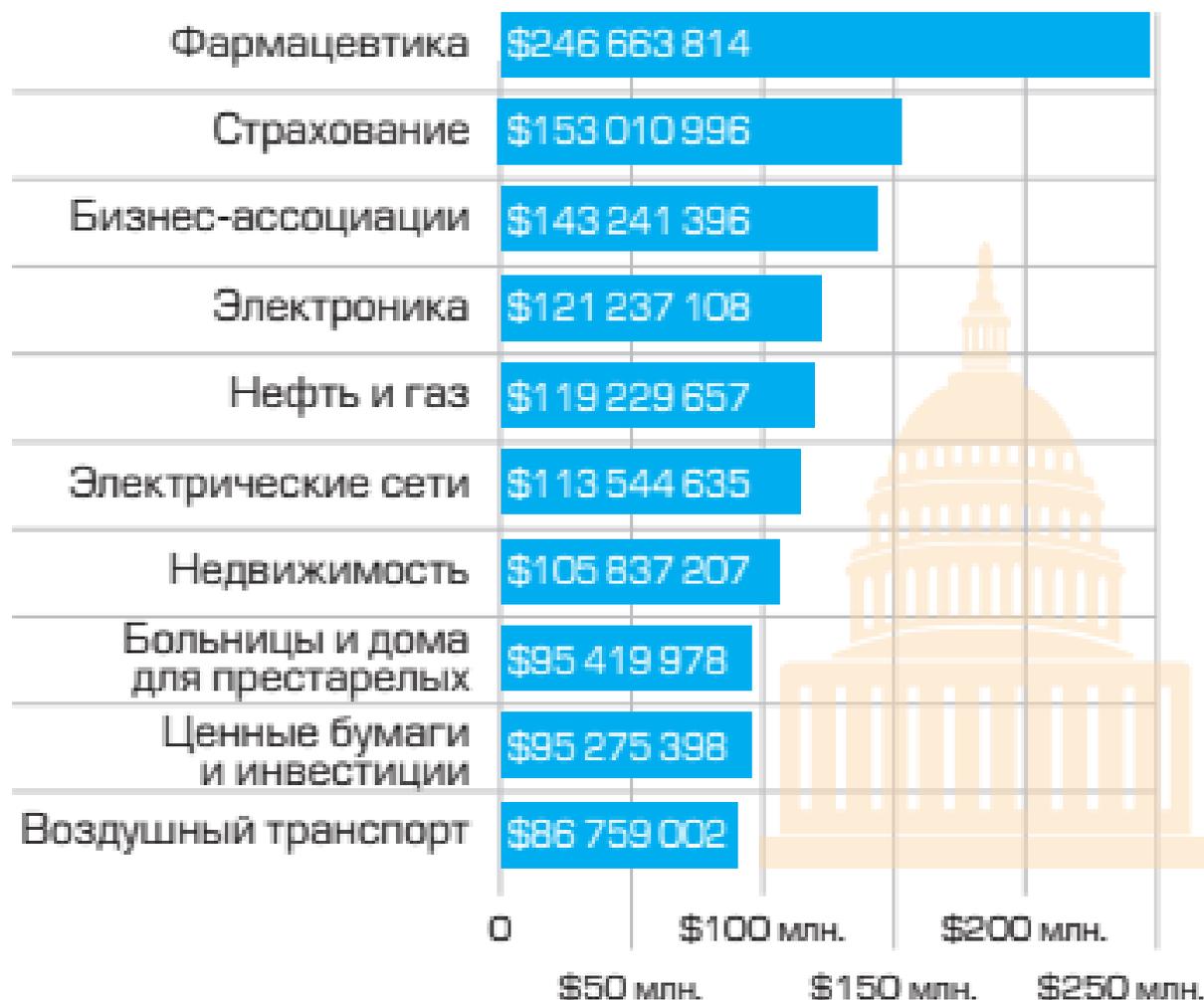
Источник: Center for Responsive Politics, 2017

Однако американские конгрессмены не владеют языком большой стратегии и нечувствительны к российским аргументам об ответственном поведении в духе концерта великих держав. Они понимают язык эмоций, библейских метафор, аргументов о защите свободы от несвободы и слабых от сильных. Этот язык хорошо освоили многие американские союзники, а некоторые даже научились манипулировать внешнеполитическим процессом в США. Национальные диаспоры евреев, армян, ирландцев, поляков, украинцев сложили в Америке влиятельные лобби не потому, что их голоса важны в ходе выборов. Они смогли предложить внятную историю, которая хорошо ложится в контекст внутривнутриполитической борьбы и культурных войн в США.

Усилия турецкого лобби по работе с академическим сообществом в США привели к тому, что в год столетия геноцида армян, турецкая версия событий была широко представлена в ключевых американских аналитических изданиях. Находясь под санкциями, Иран развернул кропотливую работу в Вашингтоне и привел дело к заключению сделки с администрацией Обамы. Свой успех был и у русского лобби – в 1949 году при содействии Русской православной церкви за границей митрополит Иоанн Шанхайский провел масштабную лоббистскую кампанию в Вашингтоне, убедив американский Конгресс внести поправки в миграционное законодательство и принять 30 тысяч русских переселенцев, бежавших от преследований нового коммунистического режима в Китае.

Объемы контрактов на лоббирование в Конгрессе США по ключевым отраслям в 2017 году

Источник: *Center for Responsive Politics, 2017*

Российским элитам нужно наконец разобраться, как работает американская политическая система и начать делать то, в чем Москву давно обвиняют – создать легальное лобби как систему непрямого влияния на американскую политику. Путь формирования лобби – долгий, кропотливый и неявный. Однако он необходим – как дополнение к остальным компонентам стратегического сдерживания США. Держите друзей близко, а врагов еще ближе.

Подчеркнем, что российский антиамериканизм прошлых лет утратил связь с действительностью. Соединенные Штаты сохраняют свое положение ведущей мировой державы, но их претензия на мировое доминирование провалилась. Задача нового этапа в том, чтобы повысить предсказуемость и стабильность отношений России с США, пока те свыкаются с новыми международными реалиями и превращаются в одну из нескольких великих держав.

3. Сеанс одновременной игры с ЕС

Что происходит. ЕС подошел к моменту естественного затухания интеграционного импульса и нерешительно застыл, запутавшись в эвфемизмах, искусственных правилах и исключениях из них. Платформы мультикультурализма и интеграции натываются на антиэмигрантскую риторику, популярность правых партий и рост центробежных тенденций внутри ЕС и его членов. Самостоятельные внешнеполитические шаги блока ошибочны, неоднозначны и заставляют идти против собственных ценностей – вторжение в Ливию привело к расцвету работорговли, подкуп Турции для высылки беженцев внушает чувство вины, украинское правительство – постоянный источник фрустрации. ЕС нужен новый импульс лидерства, но пока его нет.

На этот фундаментальный кризис накладывается конфликт с Россией. Мы перестали быть решением проблем друг для друга и каждый считает, что в продолжительном соперничестве время на его стороне. Россия охладела к европейскому эксперименту – если раньше ЕС был образом будущего, то теперь стал просто еще одним регионом. Для Брюсселя же украинский кризис стал долгожданной отдушиной – ценности вновь могут быть внешнеполитической платформой; ведь так приятно ощущать собственную правоту. Россия принимает удар фронтально – обвиняя европейцев в лицемерии, двойных стандартах и поддержке фашистов на Украине.

Что дальше. В условиях поглощенности России другими вопросами, а европейцев – собственными проблемами, создание инклюзивной структуры поддержания стабильности в Европе невозможно. Да и что такое стабильность в условиях, когда неоднозначность и двусмысленность становятся свойствами европейской политики?

Тем не менее ЕС продолжает оставаться нормативной империей, которая пытается расширить пространство своего влияния за счет России. Несмотря на неоднократные

попытки, договориться о правилах взаимодействия не получается – в лице ЕС мы теряем субъект для переговоров, а ускользающее единство Брюссель пытается заместить идеологией. А значит «Большая сделка» по европейской безопасности недостижима.

Для России ЕС останется крупнейшим торговым партнером и потенциальным донором технологий. Учитывая сложность политического контекста в отношении между Москвой и Брюсселем, перспективы их зависят от темпов и характера российского экономического роста. Если Россия и ее евразийские партнеры окажутся привлекательным и быстро растущим рынком для промышленного экспорта из ЕС, западноевропейские столицы найдут способ изолировать политические разногласия от позитивной программы по осуществлению совместных экономических проектов.

Что делать. В этой ситуации требуется новое прочтение дилеммы безопасности в Европе – но не на основе разграничения сфер влияния или создания коллективного органа регулирования. Вместо укрепления фронта между ЕАЭС и ЕС нужно инициативно вести дело к размытию границ и де факто конвергенции интеграционных блоков. Поскольку ЕС приглашает в свои форматы союзников России, то и Москве следует действовать так же. Отложив тезисы об антагонизме, пора предложить ряду стран ЕС одновременное участие в интеграционных форматах под патронажем России.

Степень союзной дисциплины в отношениях ЕС и США очевидно падает, а укрепление самостоятельности европейских стран от США соответствует интересам России. Поэтому целесообразно поддержать внешнеполитическую самостоятельность Франции и немецкое лидерство в ЕС. Возобновление оси Париж-Берлин-Москва

может нейтрализовать американское влияние на ЕС. Но этот желанный сценарий нацелен на длительную перспективу. Пока же особый формат интеграционного взаимодействия может быть предложен Венгрии, Болгарии, Словакии, Греции, Турции и другим странам. Ведь действительно, у Украины столько же прав вступить в НАТО и ЕС, сколько у Сербии или Чехии – в ОДКБ и ЕАЭС.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

4. Как заполнить вакуум Центральной Евразии

Что происходит. Обширные регионы Центральной Евразии – степи Казахстана и Монголии, плоскогорья западного Китая, российские Восточная Сибирь и Дальний Восток – представляют собой территорию исторического вакуума. Низкая плотность населения и отсутствие естественных центров экономической гравитации вынуждают страны региона выдвигать политические программы для освоения пустующих пространств.

Восточные регионы России исторически будили воображение у российских политиков, видевших в них ресурс для развития страны и источник нового качества ее международного влияния. Однако на протяжении большей части двадцатого века Восточная Сибирь и Дальний Восток оставались периферией. После Второй мировой войны и особенно после советско-китайского разрыва, Дальний Восток оказался осажденной крепостью. Это сформировало особый характер регионального развития, в котором особый акцент был сделан на обслуживание крупнейшей военной группировки – хотя и оставило в наследство успешные оборонные предприятия. Крах СССР обернулся для региона крупной экономической, демографической и социальной катастрофой. Советский Союз пропустил начало экономического подъема в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия в 1990-х и 2000-х не смогла извлечь выгоду из этого подъема. Только к исходу первого десятилетия текущего века центральные

власти обрели политическую волю и ресурсы для развития регионов Дальнего Востока. «Поворот на Восток» был сформулирован как один из приоритетов экономической политики.

Что дальше. Смещение внимания России на развитие востока страны закономерно. В XXI веке полюс мировой экономической мощи перемещается на Тихий океан и теперь Россия непосредственно граничит с наиболее динамичным в экономическом плане регионом мира. Стоит задача подлинного освоения Восточной Сибири и Дальнего Востока и формирования в нем сопоставимого с европейским центра экономической и политической гравитации России.

Уникальность положения России на Дальнем Востоке в том, что она не связана глубокими противостояниями ни с одной из региональных держав, за исключением США. У России практически союзнические отношения с КНР и хорошие отношения со всеми остальными – Японией, Южной Кореей, Индонезией, Филиппинами, Вьетнамом и др. При этом Россия обладает высоким – и растущим – геополитическим статусом. По сути, она может инвестировать свой внешнеполитический «капитал», ресурсы влияния, накопленные в других регионах, в создание наиболее благоприятной для себя ситуации в АТР. Нужно признать, что многолетняя работа российских дипломатов сначала по нормализации, а потом по развитию отношений с Китаем и другими странами-соседями создала условия для нового качества развития Дальнего Востока. Этими условиями должны воспользоваться российские компании и экономические ведомства. Высокий геополитический статус компенсирует нехватку экономических ресурсов и дает России возможность выбирать партнеров.

Вместе с тем, в плане развития внутренних территорий Евразии впервые в истории у России возникает синергия с крупным иностранным партнером – Китаем. КНР сама

ищет помощи России для реализации проекта Экономического пояса Шелкового пути со сходными целями – ускорить развитие отстающих регионов севера и запада Китая. Таким образом, «сшить» концы Евразии, создав между ними пространство развития – общая для России и Китая задача.

Планы инфраструктурных проектов в Евразии

Что делать. Восточная Сибирь и Дальний Восток остаются одним из немногих недоинвестированных регионов в АТР. При либерализации законодательства они могут стать привлекательным объектом для развития в сфере сельского хозяйства, информационных технологий, туризма, транспортной и энергетической инфраструктуры. России следует стремиться к диверсификации иностранных инвестиций и конкуренции между инвесторами из разных стран. При этом важен отказ от охранительной психологии в вопросах развития Восточной Сибири и Дальнего Востока. В оценке деятельности региональных властей необходимо учитывать их способность выстроить отношения с крупными международными партнерами.

Однако с учетом критической важности Восточной Сибири и Дальнего Востока для будущего России, не стоит превращать успех этой территории в функцию доброй воли зарубежных инвесторов. Государство многое делает для мобилизации внутренних ресурсов освоения региона – в эту логику вписывается программа «дальневосточный гектар». Стоит рассмотреть целесообразность и другой «столыпинской» меры – введение особого миграционного режима для Восточной Сибири и Дальнего Востока. Нужна ускоренная натурализация и расселение на дальневосточных территориях мигрантов из Украины и других стран постсоветского пространства. Усилия государства могут концентрироваться на развитии нескольких городских агломераций – Красноярска, Иркутска, Благовещенска, Хабаровска и Владивостока – способных стать катализаторами дальнейшего роста. Только

инициативная программа по либерализации регулирования, привлечения населения и открытия региона для внешних инвесторов способны постепенно заполнить исторический вакуум в Центральной Евразии.

5. Военная сила России: монетизируй это

Что происходит. В качестве военно-политического игрока Россия занимает уникальное место в мировой политике. В Сирии она показала, что ее военные возможности не уступают возможностям ведущих стран НАТО, а с точки зрения совокупной эффективности военной силы и дипломатии даже превосходят их. При этом Россия обладает полной «линейкой» технологий, позволяющих конкурировать с Западом в области производства современных вооружений, опробованных в конфликтах.

Военные обязательства России за пределами ее границ минимальны, ее союзы сравнительно подвижны, ее руки в большой мере свободны. Она не связана необходимостью поддерживать значительное число военных баз и воинских контингентов за пределами своей территории, и лишь в небольшой мере вовлечена в вооруженные конфликты во взрывоопасных регионах мира.

Возросший военный потенциал России – один из главных факторов роста ее влияния в международных делах. Вопрос на ближайшие годы состоит в том, сможет ли Россия использовать свое растущее политическое влияние для нужд развития собственной экономики. Отметим, что одного роста экспорта российских вооружений в этом плане будет недостаточно.

Что дальше. Перспектива «монетизации» российского внешнеполитического влияния будет определяться рядом условий. Во-первых, сможет ли Россия обеспечить своими

силовыми и политическими гарантиями устойчивый порядок в хрупких регионах мира? Хотя неуклюжие вмешательства Запада действительно способствовали возникновению хаоса в Ираке, Ливии, Египте и Сирии, ближневосточная турбулентность определяется не только и не столько политикой Запада, сколько долговременными внутренними факторами – в первую очередь экономическими и демографическими. Без широкой и капиталоемкой программы реконструкции этих стран достигнутый мир может оказаться недолгим, а для такой реконструкции России потребуются партнеры, обладающие достаточными финансовыми ресурсами.

Во-вторых, присутствует ли в российской стратегии задача извлечения экономических выгод из тех позиций, которые были обеспечены внешнеполитическими успехами? Ранее попытки руководства страны ориентировать внешнеполитическое сообщество на работу по содействию российскому бизнесу за рубежом оказывались не слишком успешными. Российские профессионалы в области внешней политики и международной безопасности, как правило, мало погружены в экономические вопросы, а российские экономические ведомства, как правило, глубоко равнодушны к международной проблематике или же считают внешнюю политику лишь досадным источником чистых убытков. Потребуется трансформация политической культуры, чтобы сам вопрос о путях извлечения экономических преимуществ из внешнеполитических успехов последних лет был бы поставлен в качестве практического.

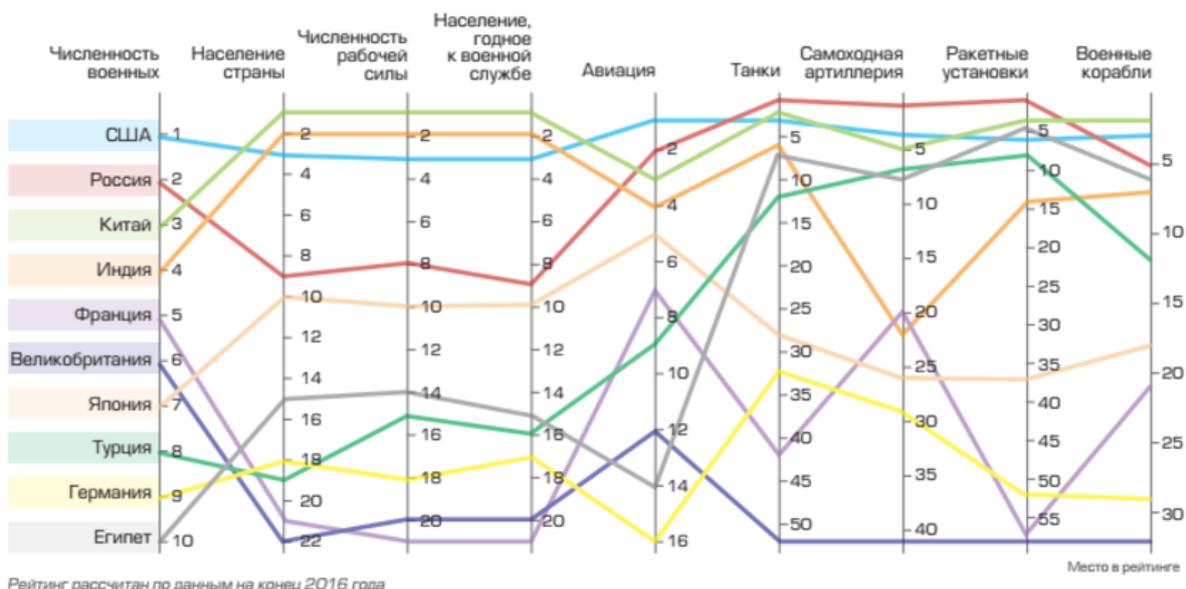
Что делать. Российские гарантии безопасности и инклюзивный политический подход открывают возможности для международной экономической активности в хрупких странах и регионах мира – Сирии, Ливии, Венесуэле, Иракском Курдистане, Египте и др. В стабильности каждой из названных стран заинтересована не одна Россия. Нет страны, более затронутой ливийским кризисом, чем Италия. Турция является ключевым интересантом стабильной Сирии. Энергетическими проектами на шельфе этой страны интересуется Франция. Индия стремится к непрерывным поставкам нефти из Венесуэлы.

Однако деньги не потекут в хрупкие и нестабильные регионы, если закрыть их от партнеров в логике игры с нулевой суммой. Напротив, формирование международных консорциумов открывает возможность для работы с западными компаниями, ищущими пути обхода антироссийских санкций.

Важным маркером станет ситуация в Сирии. Если России совместно с ее ключевыми партнерами в регионе удастся обеспечить в этой стране надежное урегулирование и развернуть программу ее реконструкции, то это может стать первым важным шагом в монетизации российских внешнеполитических достижений. Перспективная цель этих усилий – включать вырванные из нестабильности страны в поле общего развития стран Большой Евразии путем подключения их к континентальным политическим, транспортным и энергетическим проектам под эгидой России и Китая.

Рейтинг военной мощи ведущих держав
Россия - на втором месте в 2017 году

Страны, которые возглавляют рейтинги по показателям

Население, чел.

Население страны
КИТАЙ
1 373 541 278

Численность рабочей силы
КИТАЙ
750 000 000

Население, годное к военной службе
КИТАЙ
750 000 000

Авиация, ед.

Истребители
США
2 296

Бомбардировщики
США
2 785

Военные транспортные самолеты
США
5 739

Вертолеты
США
6 065

Боевые вертолеты
США
947

Сухопутная техника, ед.

Бронетранспортеры
США
41 062

Танки
РОССИЯ
20 216

Самоходная артиллерия
РОССИЯ
5 972

Реактивные установки
РОССИЯ
3 793

Буксируемая артиллерия
ИНДИЯ
7 414

Военно-морской флот, ед.

Военные корабли
СЕВЕРНАЯ КОРЕЯ
967

Военные фрегаты
КИТАЙ
51

Эсминцы
США
63

Авианосцы
США
19*

Корветы
РОССИЯ
81

Источники: Global Firepower Index 2017, РИА Новости

*Число включает вертолетоносцы

6. Борьба техноэкономических платформ

Что происходит. Через несколько лет мы увидим контуры нового мира. Логика технологического развития определит экономическую географию, а та, в свою очередь, создаст новые политические водоразделы и новые альянсы.

Основным технологическим мотором является цифровизация. Цифровое

пространство стало еще одним измерением реального пространства, таким же, как земная поверхность или воздух. В нем появилась инфраструктура – свои мосты и дороги. В этом пространстве есть залежи полезных ископаемых – данных. Там уже вовсю «майнят» новое золото – криптовалюты.

В то же время, пробуждается понимание важности цифрового суверенитета. Крупные державы захотят контролировать собственную критическую информационную инфраструктуру – поэтому глобальная монополия Гугла, Фейсбука или Алибабы долго не продлится. Хотя бы потому, что «цифровая нефть» – Большие Данные – не могут вечно вывозиться в другие страны за бесценок.

Цифровое пространство вызывает аппетит государств не только из-за ценностей, которые оно содержит, но и как новое поле боя. Крупные государства обособливаются, строят явные (как Китай) и неявные (как США) заборы вокруг своих национальных виртуальных пространств, создают кибервойска. Раньше, чтобы принудить противника сдаться, осаждали крепости и бомбили города. Теперь будут ломать платежные системы и индустриальные цифровые платформы.

В результате, останутся государства, которые смогут контролировать и защищать свое цифровое пространство, и все остальные, которым придется или смириться с рисками давления и грабежа, или идти на поклон к тем, кто может взять над ними «шефство». Мир разделится на несколько техноэкономических блоков, с достаточным набором ключевых технологий нового цикла, своими финансовыми (возможно, криптофинансовыми) центрами и подконтрольными рынками. Соотношение сил между этими блоками и определит будущую политическую картину мира.

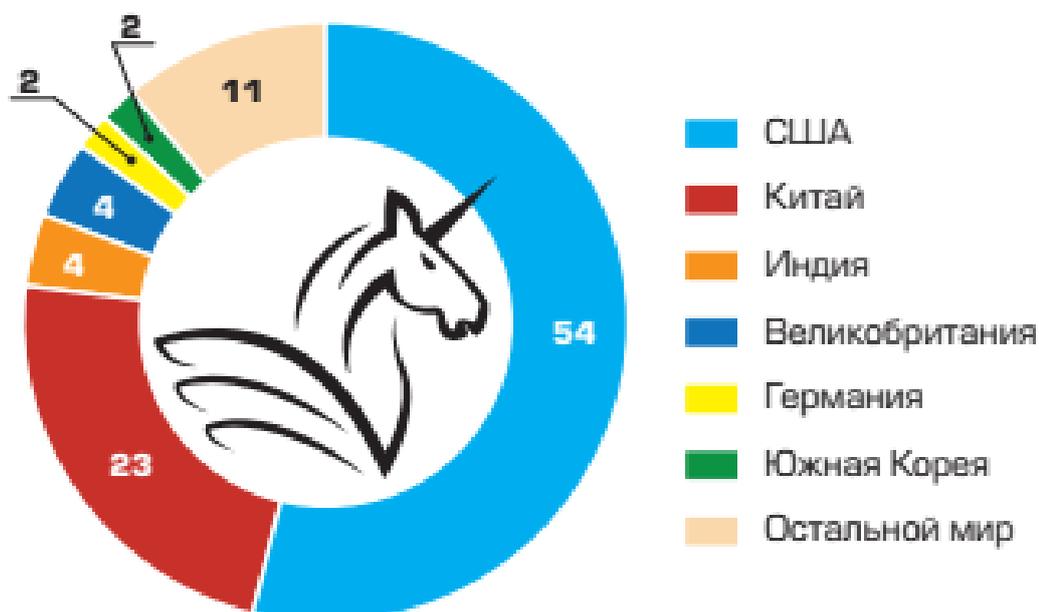
Что дальше. Уже сейчас ясно, что США и Китай станут основаниями для будущих техноэкономических блоков. Первый объединит англосаксонский мир, включая Британию, Канаду, Австралию и Новую Зеландию. Второй включит в себя многие азиатские страны на периферии Китая. В ближайшие десятилетия мы будем

свидетелями эпохальной конкуренции Востока и Запада. Выиграет тот, чья общественная система, чья философия развития будет более эффективна в новом цикле.

Европа и Япония, которым США недавно отказали в равноправном партнерстве, а также Бразилия, Индия и Россия встанут перед трудным выбором. Стать подчиненными игроками чужого блока? Если пытаться формировать свой, то с кем? Для России это фундаментальный вопрос, о котором надо думать уже сейчас. Идея единого экономического пространства, от Лиссабона до Токио, может получить новое наполнение.

Страновое распределение компаний-единорогов

Источник: CBInsights, 2017

Что делать. Даже при дешевой энергии и квалифицированных кадрах, в инерционном сценарии конкуренция макро-платформ технологической цивилизации пройдет при минимальном участии России. В краткосрочной перспективе России необходимо выжить – обеспечить базу своего цифрового суверенитета – создать отечественные операционные системы, наладить массовое производство своих доверенных микропроцессоров, нарастить адекватный потребностям цифровой эпохи человеческий потенциал. В отличие от XX века, когда военные технологии двигали гражданские, сейчас все наоборот – нужно форсировать льготный налоговый режим для сферы НИОКР и инновационного бизнеса, радикально упростить иммиграцию и натурализацию специалистов, создавать технологические кластеры в богатых энергией регионах Сибири и Дальнего Востока. Не обладая достаточными собственными рынками и полным спектром технологий, России придется тщательно выбирать прибыльные ниши, где ее уникальные компетенции востребованы глобально, например, в сфере кибербезопасности. Чтобы не остаться на обочине, России стоит активнее вкладываться в формирование новой повестки дня – в создание технологических стандартов и альянсов, в том числе, используя механизмы

БРИКС.

ПРОБЛЕМЫ МИРА

7. Как избежать войны в Корее

Что происходит. С приходом к власти президента Трампа тлеющий конфликт на Корейском полуострове в считанные недели обрел потенциал возгорания в полномасштабную войну – и войну ядерную. Стремительная эскалация конфликта –кратно возросшая частотность ракетных пусков в КНДР, способных поразить цели на североамериканском континенте и параллельное возрастание военной активности США в регионе – сопровождалась беспрецедентной словесной пикировкой двух лидеров.

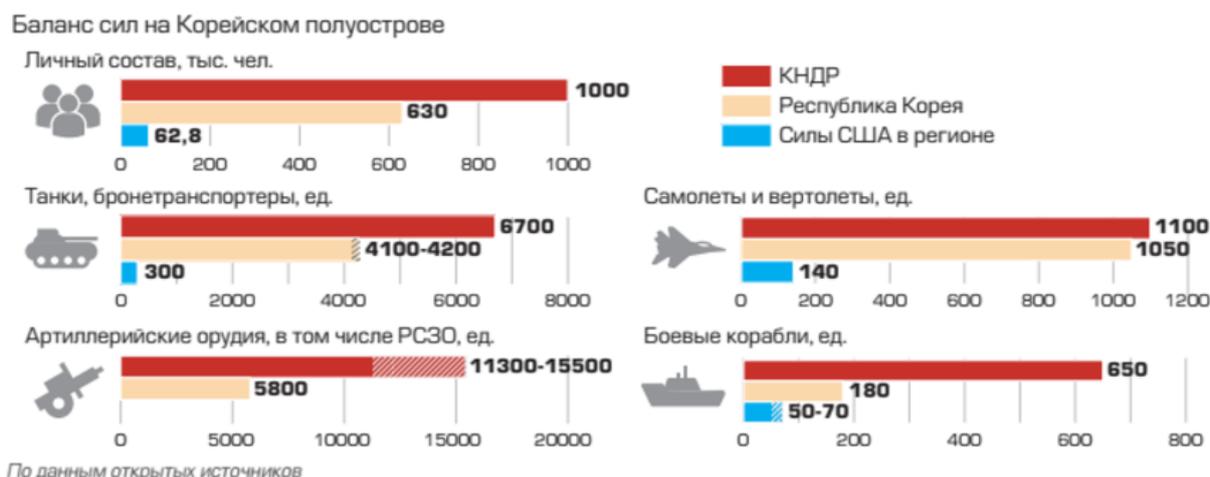
Особенностью противостояния США и КНДР является несовместимость целей сторон и отсутствие у них понимания целей и мотивов оппонента. Пхеньян рассчитывает за счет прогресса в ракетно-ядерной сфере навязать Вашингтону прямой диалог по проблемам безопасности. По мысли КНДР, это даст возможность выйти на компромисс – признание режима в Пхеньяне и ослабление санкций без отказа от ядерного оружия. Для США это будет означать крах всей прежней политики по корейской проблеме, новый удар по авторитету и повышение вероятности создания ядерного оружия Южной Кореей и Японией.

Что дальше. Неприемлемость такого развития событий заставляет США усилить использование традиционных инструментов давления на Пхеньян в надежде на то, что у оппонента не выдержат нервы. Однако ситуация отлична от прежних итераций конфликта. Прежде спарринг-партнером КНДР был умеренный в оценках американский истеблишмент, склонный к контролю за эскалацией и обладающий опытом диалога с Пхеньяном. Теперь же порывистый в дипломатических вопросах

Трамп и не склонные миндальничать с Ким Чен Ыном генералы из его ближайшего окружения задают исключительно наступательную логику поведения США и оставляют мало простора для маневра. Именно поэтому Вашингтон не хочет принять предлагаемую Россией и КНР примирительную тактику «двойного замораживания» (Пхеньян объявляет мораторий на ядерные испытания и пуски ракет, а Южная Корея и США – воздерживаются от проведения учений в регионе). Будущие действия Трампа будут опираться на стремление к быстрым результатам и тезисы о том, что «сумасшедшего нельзя сдерживать» и «время уходит».

Что делать. Совокупность описанных факторов делает войну на полуострове вероятным и постоянно просчитываемым сценарием – это реальная опасность для России и КНР. У России достаточно ограниченный ресурс воздействия на ситуацию. Безусловно, остановить США от нападения на КНДР мерами стратегического сдерживания наша страна способна, но это очевидно крайний и ресурсоемкий шаг. Солидарное с КНР политическое давление на США более предпочтительно. При этом у Москвы остается большее, чем у Пекина, пространство для взаимодействия с Японией в деле смягчения ее позиции в корейском вопросе – а также повод для дальнейшего сближения с Южной Кореей, активно не желающей конфликта с северным соседом. Это сближение может благотворно сказаться и на запущенном сторонами процессе переговоров о создании зоны свободной торговли.

8. Борьба за инициативу на Украине

Что происходит. Украина демонстрирует относительную устойчивость, вопреки многочисленным прогнозам быстрой деградации ее экономики и государственных структур. Постоянные кризисы и конфликты, спорадически выходящие за рамки конвенциональной политической борьбы, стали для страны своеобразной новой нормой. Государственные институты постепенно ослабевают, некоторые их функции захватывают радикальные военизированные группы. Однако это только укрепляет константу «постмайданной» Украины: националистический политический проект, построенный на резком отталкивании от России при готовности уступить существенные элементы суверенитета Западу.

Хотя антирусский национализм, неспособный справиться с экономическими сложностями и создать прочные государственные институты, вызывает и будет вызывать общественное недовольство, оно эффективно блокируется политическим насилием со стороны радикалов. Те силы в украинской политике, которые ориентированы на сотрудничество с Россией и признание русской культуры и русского языка составным элементом украинского пространства, ослаблены и лишены инициативы. Украина отказывается выполнять Минские соглашения. Тем самым она не допускает, чтобы исторический спор между юго-востоком и западом страны вернулся в конституционные рамки. Большинство политической элиты в Киеве рассчитывает на то, чтобы прекратить этот спор силовым путем, подавив «русскую Украину» на подконтрольных территориях страны и изолировав непокорный Донбасс.

Что дальше. В ближайшие годы останется иллюзорной перспектива широкой договоренности с США и ключевыми странами ЕС по поводу стабилизации Украины на основе Минских соглашений, учитывающих политическое и культурное разнообразие страны. Во-первых, сама идея примирения с Донбассом не имеет большой поддержки внутри Украины, власти в Киеве расценивают такое примирение как противоречащее их интересам. Во-вторых, как бы ни был Запад разочарован в Украине и украинских политиках, он будет поддерживать их курс из простого нежелания идти на уступки России. В-третьих, на фоне дефицита солидарности между ключевыми странами ЕС и США, Украина остается одним из немногих вопросов, по которому между ними имеется идеологическое согласие – слишком ценное, чтобы отказываться от него, даже если эта позиция идет во вред мирному урегулированию.

В новом году нестабильность усилится – несмотря на низкий рейтинг и саботаж оппонентов, президент Петр Порошенко будет стремиться переизбраться в 2019 году. Системная нестабильность постепенно приводит к исчерпанию ресурса управляемости на Украине, и на фоне апатии органов правопорядка радикалы

остаются влиятельной силой.

Что делать. Влияние украинского вопроса на российскую внешнюю политику будет определяться тем, в какой мере он будет препятствовать Москве в проведении активного курса на других направлениях. Очевидно, что в течение еще нескольких лет Украина будет препятствием к улучшению отношений между Россией, США и ключевыми странами ЕС. Однако в плане отношений с незападными центрами силы Украина малозначима.

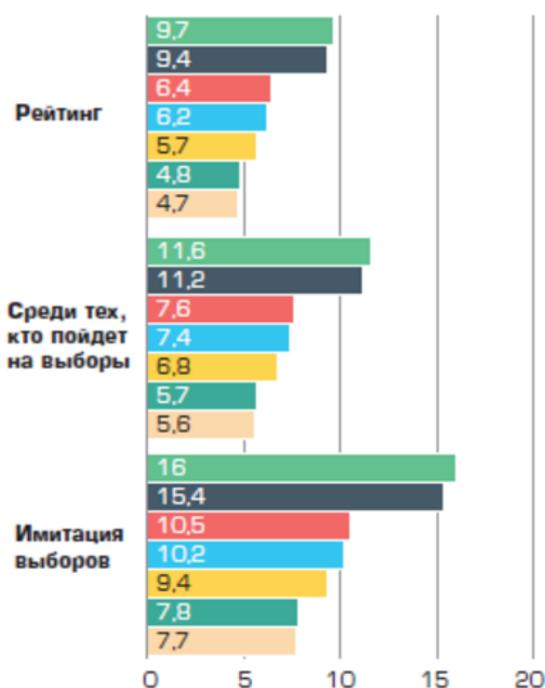
Украинский кризис составляет наиболее значительную дилемму российской внешней политики. Остаться в стороне от украинских событий невозможно, так как они имеют прямые внутривнутриполитические последствия для России. Однако ресурсоемкость активной украинской политики превышает возможные выгоды от нее, и ни одно навязанное Украине решение не устоит. Как бы ни было трудно остаться в стороне, нужно дать нынешнему националистическому эксперименту на Украине свободно дискредитировать себя. Украинское общество должно пройти испытание свободой воли, чтобы повзрослеть и обрести зрелость. Время на стороне здоровых сил и здравого смысла; вскоре маятник качнется в обратную сторону. Нужно готовить почву для эвентуального прихода новых элит, а для этого – инвестировать в наше понимание украинского политического ландшафта и нового поколения политиков.

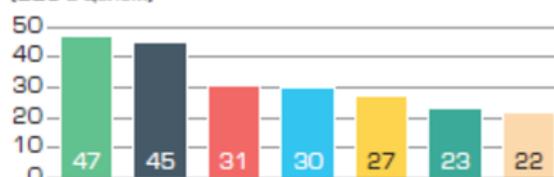
Отношение украинцев к положению в стране по данным соцопросов, %

Если бы выборы в Верховную Раду Украины состоялись в ближайшее воскресенье, за какую политическую партию Вы бы проголосовали?

- ПО «Батьківщина» (Ю.Тимошенко)
- Блок Петра Порошенко «Солидарність»
- Партия «Оппозиционный блок» (Ю.Бойко)
- Партия «Гражданская позиция» (Гриценко)
- Партия «За жизнь» (В.Рабинович)
- Радикальная партия Олега Ляшко
- Объединение «Самопомощь» (Садовый)

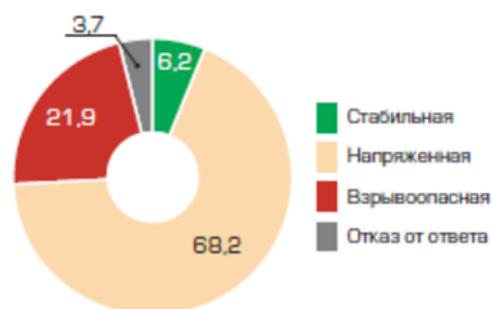

Ориентировочное количество мандатов (225 в целом)

Источник: Киевский международный институт социологии, 2017

Как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию на Украине?

По Вашему мнению, руководство Украины ведет страну в правильном или в неправильном направлении?

По Вашему мнению, каким именно путем нужно развиваться нашей стране?

9. Стабильный Ближний Восток: нефть, зерно и диктатура

Что происходит. Две наиболее хрупкие страны, от стабильности которых зависит будущее Ближнего Востока, – это Египет и Саудовская Аравия. Стабильность Египта держится на саудовских дотациях и дешевом российском зерне, а стабильность самого КСА – на диктаторском популизме молодого наследника. В инерционном сценарии демографический бум, климатические катаклизмы и нехватка продовольствия способны нарушить хрупкое равновесие. Арабская весна еще не закончилась.

Йеменский конфликт продолжает поглощать ресурсы Королевства, способствовать росту протестного потенциала внутри страны и падению популярности правящей семьи. Кризис вряд ли удастся решить, даже если Сана перейдет под контроль лояльным Эр-Рияду силам. Не исключено, что ячейки ИГ в КСА не только не исчезнут,

после уничтожения ДАИШ в Сирии и Ираке, но и смогут активизировать свою деятельность.

В Египте президент Сиси с большой вероятностью выиграет предстоящие выборы. Главным вызовом для египетского руководства остается террористическая активность на Синае. Нельзя исключать появление новых очагов дестабилизации на полуострове, связанных с самостоятельной линией местных племён, которые разочарованы в действиях Каира и считают его неспособным обеспечить их безопасность. Несмотря на ожидаемый экономический рост, уровень жизни большинства египтян остается низким. Неоправданные ожидания улучшения жизни могут спровоцировать возникновение в стране протестных акций с политическими требованиями.

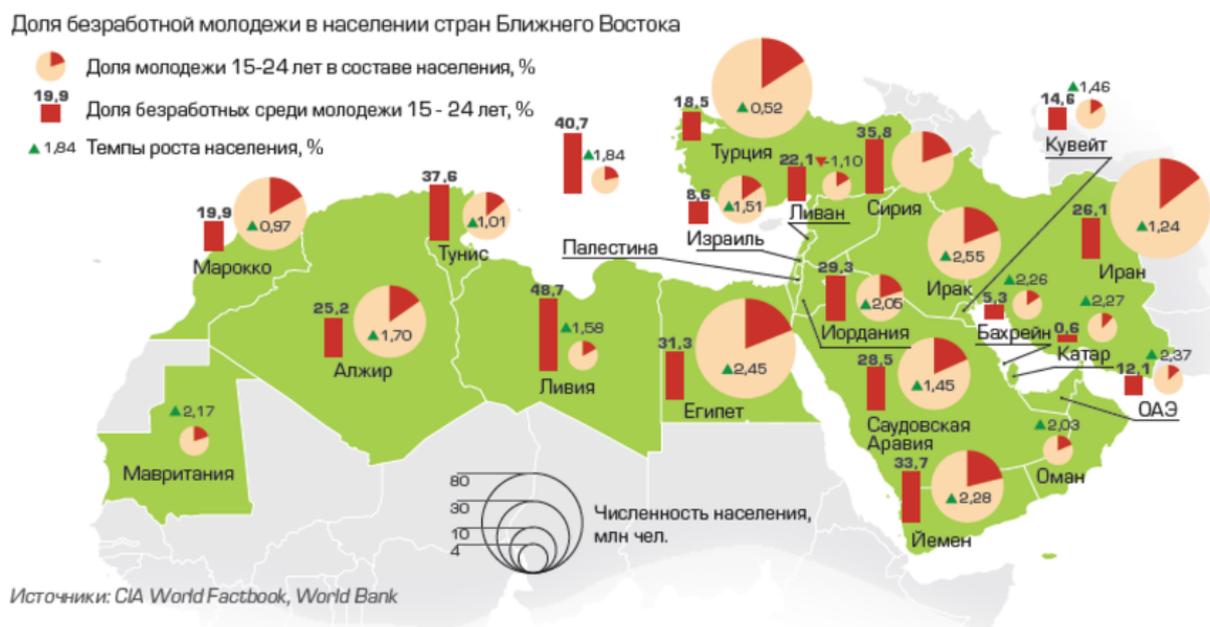

Что дальше. В КСА ускорение экономических и социальных реформ может усилить социальные, этнические и конфессиональные проблемы. Проведением реформ недовольны многие слои саудовского общества, получающие доходы с нефтяной ренты. Противоречива и сама фигура реформатора Мухаммеда бин Салмана: смена системы престолонаследия, аресты и конфискации уже настроили против себя значительную часть саудовской элиты. Это сужает коридор возможностей молодого наследника и вынуждает его продолжать и расширять волну репрессий. На фоне популистских инициатив по «либерализации жизни» и заявлений о внедрении «умеренного ислама» консерваторы-ваххабиты будут говорить о крамоле, а региональные группировки будут требовать преференций для себя, угрожая возникновением новых очагов нестабильности.

Во внешней политике с учётом ожидаемых экономических сложностей в Саудовской Аравии, Египет будет в большей степени рассчитывать на поддержку со стороны относительно стабильных ОАЭ. Каир сможет более активно начать участвовать в сирийском урегулировании и продолжит поддержку ливийского генерала Хафтара.

Будучи заинтересованными в укреплении военного потенциала Египта, ОАЭ и КСА продолжат финансирование египетских военных программ. Ожидается и дальнейшее развитие российско-египетских связей, прежде всего в энергетике и ВТС, что придаст импульс более глубокому политическому сотрудничеству.

Что делать. В российско-саудовских отношениях возможен прорыв – диверсификация отношений интересна молодому лидеру КСА. Он чувствует, что Россия пришла в регион надолго: сирийская кампания, решение Москвы арендовать базу в Египте и усилия по урегулированию в Ливии это убедительно показывают. Особые связи России, установившиеся у нее с Ираном, могут способствовать поиску шаткого баланса интересов в регионе между Тегераном и Эр-Риядом.

Мухаммед бин Салман пытается претворить в жизнь масштабный план экономической мобилизации страны и трансформации ее хозяйственного уклада. Российские компании могут принять участие в этом амбициозном проекте, способном закрепить начавшееся сотрудничество двух стран в стабилизации мировых цен на нефть.

Египет также заинтересован в наращивании влияния Москвы в регионе: Россия остается единственной страной, способной разговаривать со всеми участниками большого Ближневосточного процесса. Ключевая проблема Египта – изыскание ресурсов для развития экономики. Инвесторы идут в Египет настороженно – вероятность возобновления «арабской весны» достаточно высока, а передел власти и собственности между разными родами войск АРЕ в условиях отсутствия механизмов защиты иностранных экономических интересов усиливает ощущение неопределенности. В случае же с Россией другой важной потребностью Египта, помимо инвестиционной, являются поставки ключевого «товара стабильности» – дешевого зерна, а также туристический поток. Параллельно с наращиванием экспорта зерна России необходимо инвестировать в восстановление и модернизацию создававшейся в Египте силами советских специалистов элеваторной инфраструктуры. Поставки российского продовольствия также могут снизить социальную напряженность в Иране и Иордании.

Источник: Прогноз "Международные угрозы 2018"

ОБ АВТОРАХ

Андрей Сушенцов

Президент

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, глобальные тренды

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, американист. Специализируется на внешней политике США в международных конфликтах. Имеет значительный опыт аналитической работы. Участвовал в прикладных исследованиях по проблемам внешней политики США, конфликтных ситуаций в Закавказье, на Украине, на Ближнем и Среднем Востоке. Исполнял аналитические задачи по заказу Администрации Президента РФ, Министерства иностранных дел, аппарата Совета Безопасности Российской Федерации, Федерального космического агентства России и др. В своих исследованиях рассматривает сферы конфликтующих интересов России и США в Европе, на Ближнем Востоке и постсоветском пространстве. Ключевые публикации – монографии «Малые войны США», «Очерки политики США в региональных конфликтах 2000-х годов», «Россия и мир в 2020 году». Является редактором ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Профессиональный опыт: Директор Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Внешняя политика». Был приглашенным профессором и научным сотрудником в Джорджтаунском университете, Университете Джонса Хопкинса, Свободном университете международных исследований им. Гуидо Карли, Центре Карнеги за международный мир, Гарвардском университете, Мидлберийском институте международных исследований в Монтерее. Член Совета по внешней и оборонной политике и Рабочей группы по будущему российско-американских отношений.

Андрей Безруков

Советник

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: США, прогнозирование

Область экспертизы: Ведущий российский политолог-международник, эксперт по внешней и оборонной политике. Специализируется на правительственных и корпоративных системах стратегического прогнозирования и планирования. Эксперт по управлению изменениями в корпорациях и выстраиванию процессов взаимодействия с крупными клиентами.

Профессиональный опыт: Доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем МГИМО МИД России. С 2010 года – советник президента ПАО «НК «Роснефть». Эксперт Международного дискуссионного клуба «Валдай», член Президиума Совета по внешней и оборонной политике. Полковник разведки в отставке.

Максим Сучков

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Ближний Восток, США

Область экспертизы: Специалист по внешней политике США на Ближнем Востоке и Южном Кавказе. Исследователь проблематики лоббизма в международных отношениях.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов МГИМО МИД России. Редактор издания «AI-Monitor». Эксперт Российского совета по международным делам. Был приглашенным исследователем в Нью-Йоркском и Джорджтаунском университете.

Михаил Мамонов

Советник

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Экономика, экспорт, КНР

Область экспертизы: Специалист в области российской и мировой экономики. Обладает значительным опытом работы в сфере российской экспортной политики. Китаист, автор публикаций о внешней политике КНР и ее отношениях со странами Восточной Азии и США.

Профессиональный опыт: Управляющий директор АО "Российский экспортный центр". В 2005-2014 годах занимал различные должности в Администрации Президента и аппарате Правительства России. Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».

Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениях со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России. В прошлом редактор отдела политики журналов «Профиль» и «Эксперт». Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».

